

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3–4(113)

Выходит 4 раза в год. Год издания 17-й

Июль–декабрь 2012

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЙ	
Владимир МАГУН, Максим РУДНЕВ. Типология европейцев по ценностям Р. Инглхарта и межстрановые сравнения	12
ПРОБЛЕМНЫЙ РЕГИОН: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ	
Ситуация на Северном Кавказе: результаты пилотажного исследования в 5 республиках	25
Заид АБДУЛАГАТОВ, Мадина ШАХБАНОВА. Патриотическое сознание молодежи Республики Дагестан (результаты социологи- ческого опроса)	70
Алексей ЛЕВИНСОН. Кавказские проблемы в нарративах жителей Кавказа и остальной России	78
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ	
Сергей НИКОЛЮК. Беларусь на рубеже «эпох»	89
Люди – история – политика. Польша и Германия в глазах россиян	97
Анна МОРГУНОВА. Трудовые мигранты в России: оценки и перспективы взаимодействия.	110
ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ 2011–2012 ГОДА	
Ксения ЛОГИНОВА. Политическое участие молодежи на парламентских выборах 2011 г.	123
Олеся ЛОБАНОВА, Андрей СЕМЕНОВ. От неучастия к действию. Гражданско-политическая активность в Тюмени в декабре 2011 — сентябре 2012 гг.	134
Денис ВОЛКОВ. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов	141
ШЕСТАЯ ЛЕВАДОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ: ДОКЛАДЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	
Ольга КОНСТАНТИНОВА. Динамика статусных самооценок населения России в 1994–2011 гг.	186
ИНФОРМАЦИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ НА МОСКОВСКИХ МИ- ТИНГАХ ПРОТЕСТА В 2011–2012 Гг.	
Авторы номера	218
SUMMARY	219

Редактор, корректор
В.Я. Мордере

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЙ

Владимир МАГУН
Максим РУДНЕВ

Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта¹

ВВЕДЕНИЕ. В результате межстрановых исследований ценностей рядом ученых были выделены важные ценностные параметры, и появилась возможность описать население разных стран в рамках системы координат, образуемой этими параметрами². В итоге страны мира были помещены на «ценностные карты», позволяющие фиксировать ценностную дистанцию между ними. Каждая страна при этом обычно представлена своим средним жителем, ценности которого отражаются точкой на карте. И хотя исследователи отдают себе отчет в том, что ценности внутри любой страны неоднородны, содержательные аспекты подобной

неоднородности очень редко становятся предметом специального изучения и основой для межстрановых сравнений.

Р. Инглхарт и К. Вельцель сформулировали основания, оправдывающие подобное невнимание к внутристрановым ценностным различиям. Они пишут, что «межстрановые различия намного превышают внутристрановые»³. Но подобный вывод оказался неприложим к сравнению стран по ценностям Ш. Шварца: индивидуальные ценностные различия внутри страны часто превышают межстрановые⁴. Чтобы описать эту внутристрановую ценностную дифференциацию людей не по частным ценностным свойствам, а по какой-то единой ценностной характеристике, мы построили ценностную типологию европейцев и показали, что в каждой европейской стране представлены все ценностные типы, но страны закономерно различаются между собой внутристрановыми распределениями людей по этим типам⁵.

Цель данной статьи — проверить справедливость вывода о значительной внутристрановой вариации ценностей для ценностных показателей, предложенных Р. Инглхартом, а также

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году. В основе статьи — доклад авторов на XIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Авторы признательны А. Вишневному, В. Гимпельсону, С. Захарову, Д. Подвойскому, И. Забаеву, Ш. Шварцу, В. Школьникову, а также Р. Инглхарту, К. Вельцелю, Э. Понарину, Д. Александрову и другим сотрудникам Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ за ценные замечания и предложения.

² Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997; Inglehart, R., Baker, W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65, No. 1; Inglehart, R., Welzel, C. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // Perspectives on Politics. 2010. Vol. 8, No. 2, 551-567; Schwartz, S. Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World // In H. Vinken, J. Soeters, and P. Ester (eds.), Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective. Leiden, Netherlands: Brill, 2004; Schwartz, S. A Theory of Cultural Value Orientations // Comparative Sociology. 2006. Vol. 5, No. 2-3; Schwartz, S. Cultural Value Orientations: Nature and Implications of National Differences. Moscow: State University Higher School of Economics Press, 2008; Hofstede, G. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills CA: Sage, 1980.

³ Inglehart, R., Welzel, C. Changing Mass Priorities, p. 553.

⁴ Магун В., Руднев М. Межстрановая и внутристрановая вариация базовых ценностей в Европе // Доклад на конференции «Agenda for Comparative Social Research», Санкт-Петербург, 17 декабря 2010 г. Fischer R., Schwartz, S. Whence Differences in Value Priorities? Individual, Cultural, or Artifacts Sources // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. Vol. 42, No. 7.

⁵ Magun V., Rudnev M., Schmidt, P. Within and Between-Country Value Diversity in Europe: Latent Class Analysis. Working Paper. Series: Sociology, Moscow.: NRU HSE, 02/2012.

выявить зависимость ценностного состава населения от характеристик страны проживания. Чтобы получить *инструмент* для сравнения стран по ценностному составу их населения, мы строим типологию, которая классифицирует всех европейских респондентов на основе их ценностных показателей.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА И ПОКАЗАТЕЛИ

Исследование осуществлено на данных по 43 европейским странам, собранных в ходе 4-го раунда Европейского исследования ценностей (European Values Study – EVS), проведенного в 2008–2010 гг.¹

Данные взвешены с помощью веса, учитывающего при объединении данных из нескольких стран соотношение численности их населения.

В качестве *основы для классификации респондентов* взяты 10 показателей, на базе которых Р. Инглхарт и его соавторы строили два ценностных параметра – «Традиционные/Секулярно-Рациональные» ценности и «Выживание/Самовыражение»². Степень выраженности этих ценностных параметров в разных странах авторы связывают с процессами общественного развития. Переход от Традиционных к Секулярно-Рациональным ценностям происходит, согласно Инглхарту, в процессе модернизации общества и выражается в отказе от религиозных авторитетов в пользу секулярных. Переход от ценностей Выживания к ценностям Самовыражения происходит на более зрелой стадии развития общества, которую обычно называют постмодернизацией, в процессе нее происходит отказ от любых авторитетов и переориентация на ценности автономии, повышение толерантности и межличностного доверия. Этот второй переход обычно связывают с ростом благосо-

стояния общества и ростом сектора услуг в экономике³.

Традиционные/Секулярно-Рациональные ценности⁴ измеряются посредством следующих показателей (более высокие числовые значения соответствуют более высокой приверженности традиционным ценностям):

1) *Важность Бога*. Ответ на вопрос «Насколько важен Бог в Вашей жизни?» по 10-балльной шкале, где 0 означает «совсем не важен», а 9 – «очень важен».

2) *Индекс послушания: важно воспитывать послушание и религиозность, а не независимость и решительность*. Показатель конструируется на основе ответов на вопрос о качествах, которые важнее всего воспитывать в детях. Значения показателя колеблются от 0 (выбор независимости и решительности при невыборе послушания и религиозности) до 4 (выбор послушания и религиозности при невыборе независимости и решительности).

3) *Неодобрение аборт*. Ответ на вопрос: «Используя предложенную шкалу, скажите мне, может ли аборт всегда быть оправдан (это «0»), никогда не может быть оправдан (это «9») или Ваше мнение лежит между этими оценками?»⁵.

4) *Национальная гордость*. Ответ на вопрос «Насколько Вы гордитесь тем, что Вы [россиянин – или француз, или немец и т.п., т.е. житель своей страны]?» по шкале от 0 «совсем не гордитесь» до 3 – «очень гордитесь».

5) *Уважение к власти*. Ответ на вопрос об отношении к изменениям, которые могут произойти в ближайшем будущем в нашем образе жизни. Пункт «Большее уважение к власти» оценивался 2 баллами, если респондент решал, что это хорошее изменение, баллом 1 – если респондент выбирал «все равно», и баллом 0 – если респондент решал, что это плохое изменение.

Ценности Выживания/Самовыражения измеряются посредством следующих показателей (во всех случаях более высокие числовые значения соответствуют более высокой приверженности ценностям *выживания*):

¹ О Европейском исследовании ценностей см.: <http://www.europeanvaluesstudy.eu>, в России опрос в рамках 4-го раунда Европейского социального исследования проводился компанией «Башкирова и партнеры». Географически некоторые страны, вошедшие в анализируемый массив Европейского исследования ценностей, не относятся к Европе, но все они тесно связаны с ней культурно, экономически и политически и включаются в общеевропейские опросы.

² Критики обращают внимание на то, что не все используемые Р. Инглхартом показатели являются ценностями, например, ответ на вопрос о подписании петиций характеризует поведение или поведенческое намерение, а вопросы об отношении к абортам и гомосексуализму – аттитюды (см.: *Datler G., Jagodzinski W., Schmidt P. Two Theories on the Test Bench: Internal and External Validity of the Theories of Ronald Inglehart and Shalom Schwartz // Social Science Research*, in press). Так что, применительно к двум факторам, на основе которых строится «карта культур», точнее было бы говорить о сплаве ценностей, аттитюдов и поведения, но ради удобства мы сохраняем в статье исходную терминологию Инглхарта.

³ *Inglehart R. Modernization and Postmodernization...; Inglehart, R., Baker, W. Modernization, cultural change, and the persistence...; Inglehart, R., Welzel, C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. New York: Cambridge University Press, 2005.*

⁴ Все показатели строились по методике, приведенной в *Inglehart, R., Welzel, C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. New York: Cambridge University Press, 2005. (Internet-Appendix). URL: <http://www.scribd.com/doc/50402860>*

⁵ Для удобства восприятия направления некоторых шкал изменены на противоположные тем, что содержатся в исходной анкете. Это относится к признакам «неодобрение аборт», «национальная гордость», «уважение к власти» и «неодобрение гомосексуализма».

6) *Предпочтение материалистических ценностей постматериалистическим.* Ответ на вопрос о целях страны на ближайшие 10 лет, которые респонденту представляются наиболее важными. «Материалистические» варианты ответов — «борьба с ростом цен» и «поддержание порядка в стране», а «постматериалистические» — «защита свободы слова» и «предоставление народу возможности больше влиять на принятие правительством важных решений». Респондент мог выбрать две цели из четырех, и таким образом, показатель мог принимать значения от 0 (не выбрана в качестве наиболее важной ни одна из материалистических ценностей) до 2 (выбраны обе материалистические ценности).

7) *Субъективное ощущение несчастья.* Ответ на вопрос «Говоря в целом, могли ли Вы сказать, что Вы: очень счастливы (балл 0), довольно счастливы (балл 1), не очень счастливы (балл 2), совсем несчастливы (балл 3)».

8) *Неодобрение гомосексуализма.* Ответ на вопрос «Используя предложенную шкалу, скажите мне, может ли гомосексуализм всегда быть оправдан (это «0»), никогда не может быть оправдан (это «9») или Ваше мнение лежит между этими оценками?».

9) *Неготовность подписывать петиции.* Ответ на вопрос об участии или готовности участвовать в подписании петиций. Респонденту присваивался балл 0, если он подписывал или мог бы подписать петицию и балл 1 во всех остальных случаях.

10) *Недоверие окружающим людям.* Ответ на вопрос «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожным в отношениях с людьми?». 0 — можно доверять, 1 — нужно быть очень осторожным.

На основе описанных выше показателей мы строим ценностную типологию европейского населения. В качестве метода классификации используем процедуру анализа латентных классов (latent class analysis, сокращенно — LCA), предложенную П. Лазарсфельдом и Н. Генри¹. В сравнении с традиционными методами кластеризации, эта процедура обладает рядом преимуществ².

¹ Lazarsfeld P.F., Henry N.W. Latent Structure Analysis. Boston: Houghton Mifflin, 1968. См. также: Коченков А.И., Толстова Ю.Н. Идеи латентно-структурного анализа Лазарсфельда в современной социологии // Социология: 4М. 2003. № 16. Термин «latent class analysis» часто переводят и как «латентно-классовый анализ».

² Magidson J., Vermunt J.K. Latent class models for clustering: A comparison with K-means // Canadian Journal of Marketing. 2002. Vol. 20, No. 1.

Изложение результатов мы начинаем с описания ценностных типов респондентов, полученных с помощью процедуры анализа латентных классов на общеевропейском массиве (термины «тип» и «класс» используются в статье как синонимы). Далее мы показываем, как эти классы представлены в различных европейских странах и выделяем индивидуальные и страновые характеристики, связанные с их формированием.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Классификация европейцев на основе ценностных показателей. Каждый из 62677 респондентов, включенных в процедуру классификации, был представлен своими значениями по 10 ценностным показателям. VLMR-тест (Vuong-Lo-Mendell-Rubin test) показал, что оптимальное число классов в данном случае равно трем. В первый и второй классы входят примерно по 40% европейцев (в класс 1 вошло 37%, в класс 2 — 40%), величина класса 3 значительно меньше, туда попал примерно каждый пятый европеец (23%).

Чтобы дать содержательную характеристику полученным классам, рассмотрим средние величины вошедших в них респондентов по тем 10 показателям, на основе которых эти классы были выделены (см. табл. 1)³. Благодаря очень большой выборке средние значения всех показателей статистически значимо различаются между всеми классами при очень высоком уровне значимости ($p < 0,001$), поэтому при сравнении классов мы ориентируемся на величину различий, а не на их статистическую значимость.

Наиболее резко различаются по средним значениям классы 1 и 3, причем представители этих классов отличаются друг от друга как по показателям Традиционных/Секулярно-Рациональных ценностей, так и по показателям Выживания/Самовыражения. Иными словами, все рассматриваемые показатели ведут себя так, как если бы они являлись индикаторами не двух разных, а какого-то единого ценностного параметра. Единство этих показателей можно понять, обратившись к представлениям о разных способах регулирования социальных действий индивида. Люди, оказавшиеся в составе класса 1, придают высокую важность иерархическим отношениям в обществе, получению и исполнению сигналов «сверху» и руководству

³ При осуществлении процедуры LCA шкалы всех этих показателей трактовались как порядковые, однако для описания полученных классов мы рассчитали средние величины данных показателей.

Таблица 1

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ Р. ИНГЛХАРТА В ТРЕХ КЛАССАХ, ВЫДЕЛЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ЛСА (Европейское исследование ценностей, 2008-2010гг., респонденты из 43 стран, N = 62677чел.) *

	Класс 1 («властная иерархия»)	Класс 2 («ни иерархии, ни ини- циативной автономии»)	Класс 3 («инициативная автономия»)
Важность Бога (шкала 0–9)	7,2	4,6	2,9
Уважение к власти (шкала 0–2)	1,4	1,3	1,3
Национальная гордость (шкала 0–3)	2,4	2,2	2,2
Индекс послушания: важно воспитывать послушание и религиозность, а не независимость и решительность (шкала 0–4)	2,1	1,5	1,0
Недоверие окружающим людям (шкала 0–1)	0,8	0,7	0,4
Неодобрение аборт (шкала 0–9)	7,8	5,3	2,5
Неодобрение гомосексуализма (шкала 0–9)	8,4	6,4	1,3
Субъективное ощущение несчастья (шкала 0–3)	1,1	1,0	0,7
Предпочтение материалистических ценностей пост-материалистическим (шкала 0–2)	1,3	1,2	0,8
Неготовность подписывать петиции (шкала 0–1)	0,5	0,3	0,0

* Окраской в таблице помечены близкие значения по строке.

теми, кто ниже них в статусной иерархии. В то же время они, наоборот, низко оценивают важность инициативного действия, часто направленного на противодействие идущим «сверху» предписаниям. В противоположность этому, респонденты, оказавшиеся в составе класса 3, придают высокую значимость инициативным действиям, а отслеживание и исполнение сигналов, идущих «сверху» считают неважным.

Действительно, люди, вошедшие в состав *класса 1*, придают большое значение как потусторонней («Бог важен в жизни», «религиозность — качество, которое важно воспитывать у детей»), так и посюсторонней («послушание — качество, которое важно воспитывать у детей») руководящим инстанциям, стремятся подчиняться тем, кто выше и руководить теми, кто ниже. Они привержены диктуемым «сверху» запретам, в частности запретам на аборт и гомосексуальные отношения. Прямым продолжением их почтения к иерархии власти является высокая ценность «порядка», который большинством людей понимается как исполнение задаваемых «сверху» правил и установлений (на это указывает высокий показатель «материализма», куда входит ценность порядка). В то же время представители класса 1 не считают важными такие проявления самостоятельности, как независимость, решительность, свобода слова, подписание различных петиций и возможность влиять на принятие правительственных решений. С этими убеждениями связано и их несогласие с тем, что «большинству людей

можно доверять», поскольку недоверие — препятствие для противостояния давлению сверху через коллективную, солидарную активность. Примечательно, что недоверие окружающим сочетается у этих людей с концентрацией, наоборот, повышенного доверия на властных фигурах, включая Бога как высшую инстанцию. Сравнительно низкие уровни счастья дополняют показатель недоверия — это тот эмоциональный фон, на котором ощущение недоверия может возникнуть. Таким образом, класс 1 объединяет людей, для которых характерно *преобладание ценности следования указаниям «свыше» над ценностью инициативного автономного действия*.

У респондентов, оказавшихся в *классе 3*, ценности инициативной автономии преобладают над ценностями встраивания в вертикаль власти (как светской, так и духовной). Их характеризует пренебрежение к руководящим инстанциям и идущим от них регулирующим воздействиям и, напротив, стремление к собственному («снизу — вверх») влиянию на решения и действия этих инстанций. Это выражается, во-первых, в признании респондентом независимости и решительности в качестве важных целей воспитания, в желании влиять на принятие правительственных решений и поддержке необходимой для этого свободы слова, в готовности к подписанию различных петиций, во-вторых, в непризнании важности Бога и диктуемых религией и традиционалистской властью запретов на аборт и гомосексуальные отношения,

в отказе от послушания и религиозности как важных целей воспитания и в неприоритетности, по мнению респондента, такой цели для страны, как «порядок» и, в-третьих, в убеждении человека в том, что «большинству людей можно доверять» и более выраженном ощущении счастья.

Описание класса 1 частично совпадает с портретом традиционалистов, нарисованным Р. Инглхартом, а описание класса 3 — с портретом тех, у кого сильно проявляются инглхартовские показатели Самовыражения. Но это сходство именно частичное, поскольку у представителей первого класса сильный традиционализм сочетается с такой же сильной выраженностью ценностей Выживания, а у представителей третьего класса сильная ориентация на Самовыражение сочетается с такой же сильной приверженностью Секулярно-Рациональным ценностям.

Что касается *класса 2*, то средние оценки его представителей занимают промежуточное положение, но эти средние, как правило, не симметричны относительно полярных величин, характеризующих классы 1 и 3: часть из них находится ближе к средним показателям класса 1, а другая часть — ближе к средним показателям класса 3, причем по 5 показателям (национальная гордость, поддержка уважения к власти, индекс материализма, ощущение несчастья и недоверие людям) средние оценки класса 2 почти совпадают со средними по одному из двух других классов¹.

По показателям, характеризующим ориентацию людей на иерархические отношения власти-подчинения, средний представитель класса 2 ближе к средним представителям класса 3 (для которых, напомним, характерна *слабая* ориентация на сигналы «сверху»). По показателям же, характеризующим ценность инициативного солидарного действия средние представители класса 2 сближаются, наоборот, с представителями класса 1 (для которых характерна *слабая* ориентация на ценность подобного действия). Таким образом, люди, вошедшие в класс 2, не ориентированы ни на один из источников активности: ни на вышестоящие инстанции, задающие программу активности «сверху», ни на источники активности, находящиеся внутри самого индивида и солидарных

с ним людей. Если, следуя традиции Р. Инглхарта, ввести временное измерение, то можно предположить, что определенная часть этих людей уже отказалась признавать авторитет вышестоящих инстанций — как божественных, так и светских, — но в то же время не приобрела веры в силу инициативного солидарного с другими действия. В итоге представители этого ценностного класса оказались лишены как внешних (идущих сверху, «вертикальных»), так и внутренних («горизонтальных») источников активности. Подчеркнем, что отказ от религиозных и от светских авторитетов происходит одновременно, а не последовательно, как отмечал Р. Инглхарт, имея в виду историческое развитие событий².

Описание типа 1 ассоциируется с описаниями социального характера, представленными в концепциях «страха свободы» (Э. Фромм), «авторитарной личности» (Т. Адорно), «традиционного и внешне ориентированного культурных типов» (Д. Рисмэн) и др.³ Что касается противоположного ему типа 3, то его портрет ассоциируется с образом людей, обладающих внутренним локусом контроля и первоначально описанных Дж. Роттером, а также с самореализующимися личностями, описанными А. Маслоу⁴.

Выше мы отмечали, что характер различий между полярными классами указывает на наличие в европейском массиве более широкого по охвату ценностного параметра, включающего в себя почти все показатели, которые прежде были отнесены к двум разным факторам. Чтобы проверить этот предварительный вывод, мы осуществили на общеевропейском массиве факторный анализ рассматриваемых в статье 10 ценностных показателей. Как и ожидалось, наиболее мощный по информативности фактор, выделенный в результате внутриевропейского факторного анализа, действительно

² Inglehart, R. Modernization and Postmodernization.

³ См.: E. Fromm. Fear of Freedom. N.Y.: Farrar and Rinehart, 1941; Адорно Т., Френкель-Брюнсвик Э., Левинсон Д., Невитт Сэнфорд Р. Исследование авторитарной личности. Пер. с англ. М.: Академия исследований Культуры, 2001; Riesman D., Glazer N., Denney R. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven, CT: Yale University Press, 1950. Связь с концепцией авторитарной личности Т. Адорно прямо подчеркивалась в первых работах Р. Инглхарта, посвященных материалистическим и постматериалистическим ценностям (Inglehart R. The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies // American Political Science Review, 1971. Vol. 65. P. 991-1017).

⁴ Rotter J.B. Social Learning and Clinical Psychology. NY: Prentice-Hall, 1954; Маслоу А.Г. Мотивация и личность. Пер. с англ. СПб., Евразия, 1999.

¹ Различия в удаленности средней по классу 2 от средних по классу 1 и 3 статистически значимы при $p < 0,001$. Так, например, по показателю «уважение к власти» дистанция между средней в классе 2 и средней в классе 3 статистически значимо меньше, чем дистанция между средней в классе 2 и средней в классе 1.

включал почти все ценностные показатели, что отличает полученную нами факторную структуру от той, что получена Р. Инглхартом и его коллегами на более широких выборках, объединяющих жителей разных частей света¹. Структура этого фактора аналогична структуре ценностных различий между представителями первого и третьего классов, и его можно кратко назвать фактором властной иерархии — инициативной автономии².

Внутристрановые и межстрановые ценностные сходства и различия. Каждая страна внутренне неоднородна по своему ценностному составу. 39 стран имеют в своем составе представителей всех трех ценностных типов, а 4 страны (Азербайджан, Армения, Грузия и Косово) — представителей двух типов (см. табл. 2 и рис. 1, выбран максимально строгий критерий отличия страновых долей от нуля, $p < 0,0001$). Благодаря этому обстоятельству каждая европейская страна обладает некоторой ценностной общностью с любой другой.

В то же время полученная нами ценностная типология помогает оценить и различия между странами и группами стран (рис. 1 и 2). Представители класса 1 (те, у кого ориентация

на подчинение преобладает над ориентацией на самостоятельность) составляют гораздо большую долю в населении постсоциалистических и средиземноморских стран — в сравнении с западноевропейскими и скандинавскими. Напротив, представители класса 3 (у которых ориентация на самостоятельность преобладает над ориентацией на подчинение) значительно чаще встречаются в западноевропейских и скандинавских, нежели в средиземноморских и постсоциалистических странах. Что касается класса 2, у представителей которого слабо выражены обе ориентации — и на подчинение, и на самостоятельность, — то различия в его представленности в разных группах стран не столь резки. Тем не менее, в средиземноморье и постсоциалистических странах, а также в Западной Европе люди, принадлежащие к этому классу, представлены несколько шире, нежели в Северной Европе.

В России почти все население распределяется между первым и вторым ценностными классами. В отечественной социологии существует конструктивная традиция типологического подхода к изучению массового сознания, связанная с понятием о «советском простом человеке»³. Развивая эту традицию, можно утверждать, что с точки зрения рассматриваемых ценностных показателей, в современной России существует два примерно равных по численности типа людей. Для одного из этих типов характерно предпочтение ценностей властной иерархии ценностям инициативной автономии, для другого — отсутствие резко выраженных ценностных предпочтений, выражающееся в отказе от сильной ориентации на послушание и в слабой ориентации на инициативное действие. В модели «простого человека», по-видимому, сплавлены черты обоих описанных типов.

Влияние индивидуальных и страновых характеристик на принадлежность к ценностному классу. В предыдущем разделе показано, что страны и группы стран различаются представленностью в них каждого из ценностных классов. Эти различия могут определяться как свойствами страны, общими для всех ее жителей, так и индивидуальными особенностями населяющих ее людей (соответственно, «эффектом страны» и «эффектом социального состава»). Разделить эти влияния помогает множественный регрессионный анализ (табл. 3).

¹ Несовпадение структуры ценностных показателей с канонической структурой, описанной Р. Инглхартом, не является уникальным выводом. В частности, было показано, что в странах Восточной Азии индекс Выживания/Самовыражения устроен не совсем так, как в канонической модели Инглхарта и его соавторов (см.: Bomhoff E., Man-Li Gu M. East Asia Remains Different: A Comment on the Index of "Self-Expression Values," by Inglehart and Welzel" // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012. Vol. 43(3), 373-383).

² Применялся анализ главных компонент с вращением по критерию Варимакс, т.е. в точности та же процедура, что использовалась для получения ценностных параметров Р. Инглхартом. Таблицы с результатами факторного анализа (до и после вращения) помещены в интернете: <http://www.hse.ru/org/persons/11876951>. Кроме того, их можно запросить, обратившись к авторам статьи.

Характеристика наших ценностных классов в терминах властной иерархии — инициативной автономии похожа по смыслу на некоторые культурные ценности, используемые для описания стран Ш.Шварцем. Поэтому мы рассчитали корреляции между долями первого и третьего классов, отражающими «властную иерархию» и «инициативную автономию» в каждой из стран, со страновыми показателями по культурным ценностям Ш. Шварца (Schwartz, S. Cultural Value Orientations: Nature and Implications of National Differences. State University — Higher School of Economics Press, Moscow, 2008; значения страновых культурных ценностей любезно предоставлены Ш.Шварцем). Доли классов 1 и 3 теснее всего связаны со шварцевскими индексами Принадлежности (Embeddedness, корреляции 0,81 и -0,80 соответственно), Интеллектуальной автономии (-0,74 и 0,75) и Аффективной автономии (-0,63 и 0,71), что согласуется с интерпретацией этих классов, изложенной в тексте. При этом важно учесть, что в состав индекса Принадлежности входят такие ценности как социальный порядок, уважение традиций и долг. Показатель Шварца под названием Иерархия не имеет значимых корреляций с долями ни одного из классов, что может объясняться конкретным составом индикаторов, на основе которых он строится.

³ См.: Левада Ю. А. (ред.) Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993; Гудков, Л.Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6.

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ 43 ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН ПО ЦЕННОСТНЫМ КЛАССАМ (% по строке)

	Класс 1 («властная иерархия»)	Класс 2 («ни иерархии, ни инициативной автономии»)	Класс 3 («инициативная автономия»)	Численность
Грузия	83%	16%	0% *	1498
Армения	79%	20%	1% *	1477
Косово	89%	10%	1% *	1601
Азербайджан	81%	18%	1% *	1505
Молдова	72%	26%	1%	1551
Украина	66%	33%	1%	1507
Кипр	74%	25%	2%	999
Румыния	67%	30%	2%	1489
Россия	50%	46%	3%	1490
Босния и Герцеговина	71%	25%	4%	1512
Албания	58%	38%	4%	1534
Мальта	83%	13%	4%	1497
Сербия	56%	40%	4%	1512
Беларусь	39%	56%	5%	1500
Латвия	35%	59%	6%	1506
Эстония	35%	59%	6%	1518
Литва	37%	57%	6%	1499
Черногория	65%	28%	6%	1516
Болгария	39%	54%	7%	1500
Польша	49%	43%	7%	1479
Португалия	42%	50%	8%	1553
Хорватия	55%	34%	11%	1498
Греция	46%	41%	13%	1498
Венгрия	36%	49%	14%	1513
Словакия	36%	49%	15%	1509
Италия	46%	35%	18%	1519
Ирландия	43%	36%	21%	982
Словения	30%	40%	30%	1366
Чехия	19%	50%	31%	1793
Австрия	23%	45%	32%	1510
Испания	29%	36%	35%	1497
Великобритания	24%	39%	37%	1549
Бельгия	15%	46%	39%	1509
Франция	16%	44%	40%	1501
Германия	14%	41%	45%	2051
Швейцария	19%	34%	46%	1271
Люксембург	22%	31%	47%	1609
Финляндия	12%	33%	55%	1131
Нидерланды	15%	29%	56%	1552
Норвегия	9%	25%	66%	1087
Дания	8%	21%	70%	1507
Исландия	9%	21%	71%	808
Швеция	10%	16%	74%	1174

* Доля класса в данной стране статистически не отличается от нуля на уровне $p < 0,0001$.

Рисунок 1
**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ 43 ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН
ПО ЦЕННОСТНЫМ КЛАССАМ (% по строке)**

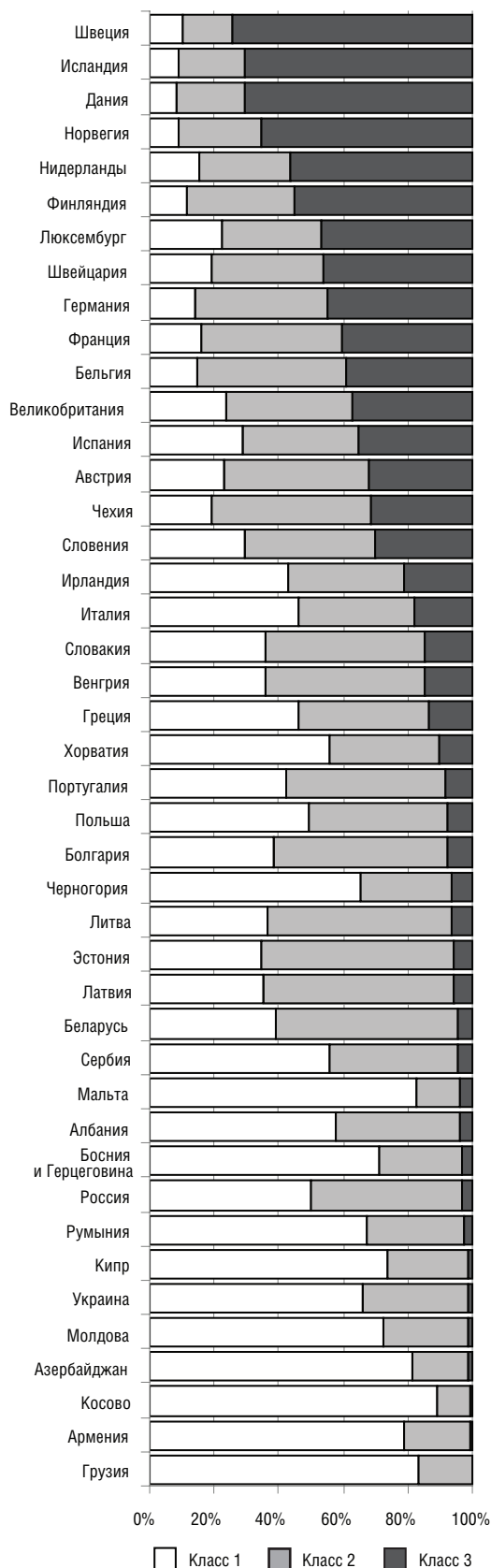

Рисунок 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕТЫРЕХ ГРУПП ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН ПО ЦЕННОСТНЫМ КЛАССАМ (% по строке)

В качестве зависимых переменных мы взяли вероятность попадания респондента в каждый из ценностных классов¹ (такую информацию предоставляет процедура LCA). В качестве независимых переменных в регрессионные модели включены переменные как индивидуального (возраст, пол, образование, тип поселения, характеристики родительской семьи), так и странового (страна проживания респондента) уровня. Последние представлены в укрупненном виде, фиксирующем, в какой из четырех описанных выше групп стран проживает респондент.

Направления значимых страновых эффектов воспроизводят те межстрановые различия, которые были описаны ранее. Вероятность того, что житель страны окажется в классе 1 (властная иерархия), последовательно растет при переходе от скандинавских стран к западно-европейским, затем — к средиземноморским, и далее — к постсоциалистическим странам. Межстрановые отличия в отношении вероятности оказаться в классе 2 (отказ от ценности внешней и отсутствие ценности внутренней регуляции), выражены слабее и выражаются только в статистически значимых отличиях между скандинавами и тремя другими группами стран. Вероятность того, что житель страны окажется в классе 3 (инициативная автономия), наиболее высока для жителей скандинавских стран и последовательно снижается при переходе к западно-европейским, затем — к средиземноморским, и далее — к постсоциалистическим странам; страновые влияния на вероятность войти в класс 3 более выражены в сравнении с подобными влияниями для классов 1 и 2. Таким

¹ Предыдущий анализ строился на основе отнесения каждого респондента к какому-то одному классу (вероятность вхождения в который наиболее высока).

образом, описанное в предыдущем разделе влияние проживания респондента в той или иной группе стран на ценностный состав их населения сохраняется и после того, как в регрессии проконтролированы социально-демографические характеристики их населения¹.

Переменные *индивидуального уровня* также оказывают значимое влияние на вероятность вхождения человека в тот или иной ценност-

ный класс. Люди старших *возрастов* (или поколений) с большей вероятностью оказываются в классе 1, и с меньшей — в классе 2 или 3. Напомним, что классы 2 и 3 характеризуются более низкой, чем класс 1, приверженностью ценностям иерархии, а класс 3 — к тому же и более высокой приверженностью ценности автономии, и значит, эффекты возраста показывают, что старшие респонденты сильнее привержены

Таблица 3

НЕСТАНДАРТИЗОВАННЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ ЛИНЕЙНОЙ РЕГРЕССИИ ДЛЯ ТРЕХ РЕГРЕССИОННЫХ УРАВНЕНИЙ. (Зависимые переменные — вероятность попадания респондента в один из ценностных классов, $N=59\,423$ чел.)

Независимые переменные	Зависимые переменные — вероятности попадания респондента в:		
	класс 1 («властная иерархия»)	класс 2 («ни иерархии, ни инициативной автономии»)	класс 3 («инициативная автономия»)
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА			
Возраст	0,003***	-0,0005***	-0,002***
Пол (мужской -1, женский - 0)	-0,01*	0,03***	-0,02***
Образование респондента, начальное — контрольная группа			
Образование выше начального, но ниже третичного	-0,08***	0,02***	0,06***
Третичное образование	-0,13***	0,01	0,13***
Тип и размер поселения; малые города и села, менее 10 тыс. чел. — контрольная группа			
Городские поселения с населением от 10 до 100 тыс.чел.	-0,03***	0,01***	0,02***
Города с населением более 100 тыс. чел.	-0,05***	0,04***	0,01**
Образование родителей, начальное — контрольная группа [#]			
Образование выше начального, но ниже третичного	-0,04***	0,01*	0,03***
Третичное образование	-0,05***	-0,02***	0,07***
Руководящий статус родителей (руководитель -1, не руководитель - 0) [#]	-0,02***	-0,01*	0,03***
СТРАНОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ			
Респондент проживает в скандинавской стране — контрольная группа			
Респондент проживает в западно-европейской стране	0,04***	0,12***	-0,17***
Респондент проживает в средиземноморской стране	0,28***	0,13***	-0,41***
Респондент проживает в постсоциалистической стране	0,39***	0,12***	-0,51***
R ² скорректированный	0,20	0,02	0,31

* $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$

[#] В случае, если респондент жил в 14 лет с отцом или обоими родителями, фиксировалось образование и руководящий статус отца, если только с матерью — образование и руководящий статус матери.

1 Из-за ограниченности места мы не приводим в статье регрессионные модели, где на страновом уровне представлены не укрупненные группы, а все 43 страны. Основные результаты в этих моделях совпадают с теми, что получены в моделях с 4-мя страновыми группами. Регрессионные коэффициенты при страновых дамми дают очень высокие корреляции с долями соответствующих классов по странам, что означает, что межстрановые ценностные различия сохраняются при контроле социального состава страны. Таблицы с этими результатами помещены в интернете: <http://www.hse.ru/org/persons/11876951>. Кроме того, их можно запросить, обратившись к авторам статьи.

ценностям послушания и менее привержены ценностям инициативы и самостоятельности. Это согласуется с выводом Р. Инглхарта о том, что молодежь в большей степени привержена постматериалистическим ценностям², а также с результатами сопоставлений возраста с ценностями, измеренными по методологии Ш. Шварца. В рамках этой методологии пока-

² Inglehart, R. The Silent Revolution in Europe ...; Inglehart, R. Modernization and Postmodernization...

зано, что приверженность человека ценностям Конформности и Традиции, одним из смыслов которых также является готовность к послушанию и участию во властной иерархии, с возрастом усиливается¹.

Мужчины с большей вероятностью оказываются в «промежуточном» классе 2, а женщины — в двух полярных классах 1 и 3.

Рост образования респондента, как и можно было ожидать, повышает вероятность его попадания в «автономный» класс 3 и снижает вероятность попадания в класс 1, представители которого ориентированы на властную иерархию. Образование, по-видимому, воздействует на рассматриваемые ценности двояко: оно и непосредственно формирует эти ценности, и дает человеку интеллектуальные ресурсы для самостоятельности и инициативы. Более сложно воздействует образование на вероятность попадания респондента в класс 2. Лишь средние уровни образования (выше начального, но ниже высшего и среднего специального, которые принято объединять в категорию третичного образования) благоприятствуют попаданию людей в этот ценностный класс, а более высокие уровни образования никак на членство в этом классе не влияют. Объясняется такой характер образовательных влияний тем, что, по-видимому, переход от начального к средним уровням образования снижает готовность слепо подчиняться власти и авторитету и в то же время не затрагивает готовность к активному влиянию на социальные события, что и воплощено в ценностях представителей класса 2. Переход же к более высокому — третичному — образованию формирует уже желание проявлять самостоятельность и социальную инициативу (которых у данного класса нет), и поэтому наличие третичного образования на членство в классе 2 значимого влияния не оказывает. Примечательно, что образование родителей влияет на вероятность попадания респондента в первый и третий классы точно так же, как и его собственное образование. Влияние же этого параметра на вхождение в класс 2 еще более наглядно демонстрирует отмеченную выше закономерность: наличие у ро-

дителей наиболее высокого уровня образования не просто нейтрально, а даже препятствует попаданию их сына или дочери в класс 2.

Проживание в более крупном населенном пункте повышает вероятность попадания респондента как в наиболее продвинутый класс 3, так и в «промежуточный» класс 2, и, соответственно, снижает вероятность вхождения в класс 1.

Социальное происхождение из более статусной семьи (один из родителей — руководитель) повышает для человека вероятность оказаться в классе 3, и понижает вероятность оказаться в классах 1 и 2. Это, возможно, связано с более благоприятными материальными условиями, в которых находились в процессе социализации респонденты, воспитывавшиеся в семьях руководителей, обычно располагающих большими ресурсами, что, согласно предположению Инглхарта, способствует снижению значимости материалистических ценностей и росту ценностей самовыражения. (Напомним, что ценности Выживания сильнее выражены у представителей классов 1 и 2, а ценности Самовыражения — у представителей класса 3.) Возможно, действуют и межпоколенные механизмы передачи опыта, через посредство которых респондент воспроизводит в своих ценностях характер деятельности своих родителей: если родители принимают решения, то у детей формируется желание активно влиять на события (для них повышается вероятность оказаться в классе 3) и снижается значимость ценностей, связанных с властной иерархией (снижается вероятность оказаться в классах 1 и 2).

В целом, описанные переменные позволяют объяснить заметную долю дисперсии вероятностей для человека оказаться в классе 1 и в классе 3 (т.е. в полярных классах) и обладают малой объяснительной силой в отношении вероятности оказаться в классе 2 (соответствующие значения скорректированного показателя R^2 равны, соответственно, 0,20, 0,31 и 0,02).

Взаимосвязь страновых характеристик с принадлежностью к ценностным классам. Выше мы показали, что тип страны проживания является значимым фактором, влияющим на вхождение человека в тот или иной ценностный класс. Попробуем найти конкретные страновые характеристики, которые могут пролить свет на механизмы взаимосвязей страновой принадлежности с ценностными характеристиками ее жителей. Наиболее высокие коэффициенты корреляции со страновыми долями ценностных классов дает уровень валового национально-

¹ Schwartz S. Value orientations: measurement, antecedents and consequences across nations / R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva (Eds.) // *Measuring attitudes cross-nationally. Lessons from European Social Survey*. London: Sage Publications, 2007; Марун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. №1 (93); Meuleman, B., Davidov, E., Schmidt, P., Billiet, J. Social Location and Value Priorities. A European-Wide Comparison of the Relation between Social-Structural Variables and Human Values. Routledge, London, in press.

го дохода (ВНД) на душу населения, который характеризует общий уровень экономического развития страны, а также уровень жизни ее граждан (табл. 4). Статистически значимо он связан с вероятностью попадания среднего жителя страны в классы с более выраженными (контрастными) предпочтениями: с ростом ВНД снижается вероятность попадания в первый класс, и повышается — в третий. Уровень ВНД не дает значимых связей с вероятностью попадания среднего жителя страны в промежуточный (второй) класс. Это согласуется с известными идеями А. Маслоу: у людей более обеспеченных, у которых удовлетворены базовые потребности, ослабевают материалистические ценности и актуализируется потребность в самореализации, которая проявляется в ценностях самовыражения и инициативной автономии¹. Кроме того, ВНД на душу населения является интегральным показателем уровня модернизированности страны, и Инглхарт полагает, что возникновение ценностей автономии и самовыражения происходит на наиболее зрелых этапах модернизации (при переходе от модернизации к постмодернизации). Обнаруженные нами положительные корреляции ВНД с долями представителей третьего ценностного класса согласуются с этими предположениями, поскольку в Европе достаточно представлены эти самые богатые страны.

Есть еще целый ряд экономических показателей, высоко коррелирующих с долями 1 и 3 классов, но все эти показатели тесно связаны с ВНД на душу населения, и потому их корреляции с ценностными классами имеют тот же смысл. Как и ВНД, большинство экономических показателей не дают значимых коэффициентов корреляции со страновыми долями класса 2, но это не значит, что между ними нет связи. Более детальный анализ показывает, что для стран с высокой долей этого класса характерны средние показатели ВНД на душу населения, т.е. представителей этого класса мало, как в сравнительно бедных, так и в богатых европейских странах, а концентрируются они в странах со средним уровнем экономического развития. Это подтверждает наше предположение о том, что одним из факторов формирования данного ценностного типа является пребывание человека на среднем, «переходном», этапе развития (вспомним, например, распространенность этого класса в группе людей со средними уровнями образования).

¹ Маслоу А.Г. Мотивация и личность.

Доля людей, принадлежащих ко второму классу, тесно коррелирует с рядом показателей, которые являются индикаторами демографической модернизации². Все демографические показатели, приведенные в таблице 4, дают наиболее тесные корреляции со страновой долей именно второго ценностного класса, а в большинстве случаев вообще оказываются значимо связанными только с ней.

Доля представителей класса 2 в населении страны отрицательно коррелирует с общим коэффициентом рождаемости, т.е. чем больше в стране представителей этого класса, тем ниже рождаемость и/или выше доля людей старших возрастов. Связь эту можно объяснить двояко. Во-первых, снижение рассматриваемого демографического показателя, по-видимому, отражает более ранние этапы модернизационных процессов, на которых происходит и формирование второго ценностного класса. Во-вторых, возможно и более прямое объяснение, поскольку социально-психологический механизм, обеспечивающий переход к низкой рождаемости, характеризующей современный тип демографического поведения описывается исследователями как замена внешнего социального контроля над репродуктивным поведением самостоятельным принятием людьми решений в этой области³. Таким образом, снижение рождаемости является индикатором появления в обществе значительного числа людей, отказавшихся от подчинения идущим сверху предписаниям и запретам, а это как раз и соответствует ценностям, разделяемым представителями класса 2. Правда, у людей, принадлежащих к этому классу, не состоялся переход к ценностям автономной инициативы, но по-видимому, слабое развитие этих ценностей не является серьезным препятствием к снижению рождаемости, так как самостоятельные решения и действия, ведущие к снижению рождаемости, довольно просты, и для их осуществления в сегодняшних европейских странах созданы благоприятные возможности⁴.

² Демографическая модернизация России, 1990-2000. Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2005; Вишневский А.Г. Цивилизация, культура и демография // Общественные науки и современность, 2011, №2.

³ Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976.

⁴ См. например: Захаров С.В., Сакевич В.И. Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция — свершившийся факт? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып.1. / Под ред. Т.М. Малевой и О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007.

Еще три страновых показателя характеризуют смертность и потребление алкоголя в стране, и корреляции показывают, что эти показатели связаны исключительно с долей интересующего нас второго ценностного класса (табл. 4). Корреляции указывают на то, что с ростом доли этого класса в населении страны растет потребление алкоголя, а также смертность от внешних (девиантных) причин — от несчастных случаев, отравлений и травм, включая самоубийства (смертность от самоубийств дополнительно представлена еще и отдельным показателем, который коррелирует с долей второго класса особенно тесно).

Смертность от несчастных случаев, отравлений и травм (включая самоубийства), как и повышенное потребление алкоголя — это следствия несоблюдения культурных запретов и нарушения различных норм и правил, т.е. симптомы общественной дезорганизации. Связь между данными симптомами и повышенной долей в стране людей, принадлежащих к классу 2, можно тоже объяснить двояко. Во-первых, эти люди в силу отсутствия ориентаций как на «вертикальные», так и на «горизонтальные»

регуляторы, более склонны к такого рода девиантному поведению. Во-вторых, возможно, что наблюдаемые симптомы социальной дезорганизации и распространение в обществе людей данного типа имеют общие причины. Оба эти явления возникают в результате ослабления (например, в процессе европейских антиоталитарных революций конца 1980-х-начала 1990-х гг.) вертикальных форм внешнего социального контроля, которое происходит при несформированности у людей механизмов самоконтроля и «автономной морали». Эти процессы часто описывают в терминах аномии.

Доли класса 1 также имеют статистически значимый коэффициент корреляции с одним из рассматриваемых демографических показателей — с общим коэффициентом рождаемости: коэффициент рождаемости повышается с ростом в стране представителей класса 1. Если снижение этого показателя происходит в процессе модернизации, то естественно, что он, наоборот, более высок в странах с большей долей людей, приверженных премодерным (традиционалистским) ценностям властной иерархии.

Таблица 4

ВЗАИМОСВЯЗИ ЦЕННОСТНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН (коэффициенты корреляции)

	Доля представителей класса 1 в населении страны («властная иерархия»)	Доля представителей класса 2 в населении страны («ни иерархии, ни инициативной автономии»)	Доля представителей класса 3 в населении страны («инициативная автономия»)	Число стран
ВНД на душу населения (метод Атласа) ¹	-0.76**	-0.13	0.88**	41
Общий коэффициент рождаемости (число рождений на 1000 человек) ²	0.36*	-0.46**	-0.11	41
Смертность от несчастных случаев, отравлений и травм (на 1000 смертей) ³	-0.11	0.42**	-0.12	40
Количество самоубийств (на 100 000) ⁴	-0.24	0.59**	-0.07	39
Потребление алкоголя (л на человека) ⁵	-0.10	0.47**	-0.17	39

* p<0.05; **p<0.01

¹ В текущих долларах США (GNI per capita). Источник: World Development Indicators, World Bank, 2012.

² За 2008 год (Birth rate, crude). Источник World Development Indicators, World Bank, 2012.

³ Количество смертей от несчастных случаев, отравлений и травм (Deaths by injuries). World Health Organization (2008). Causes of death 2008: data sources and methods.

⁴ Источник: Source: World Health Organization, 2011. http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide_rates/en/

⁵ Потребление алкоголя в литрах на человека в год, включая неучтенный (Alcohol per capita, total). Источник: World Health Organization (2011). Global status report on alcohol and health.

ВЫВОДЫ

1. С помощью анализа латентных классов (LCA) осуществлена классификация жителей 43 европейских стран в зависимости от их ответов на вопросы о приверженности инглхартовским ценностям Рациональности/Традиции и Самовыражения/Выживания.

2. Выделено три ценностных класса. Первый из них, включающий 37% европейцев, объединил людей с высокими показателями ориентации на подчинение и низкими показателями ориентации на самостоятельное социальное действие, а третий, противоположный по ориентации класс, в который вошло 23% европейцев, объединил людей с обратным соотношением ценностей: с сильной ориентацией на самостоятельное действие и слабой готовностью подчиняться идущим «сверху» командам. Европейцы, принадлежащие к ценностному классу 2 (их 40%), сочетают в своих ценностях отношение к власти (и светской, и духовной), характерное для представителей класса 3, и отношение к собственной социальной активности, характерное для класса 1: иными словами они отвергают и регулирующие воздействия, идущие сверху, и не выражают готовности к собственному активному действию. Они, таким образом, оказываются лишены и внешних, и внутренних источников активности.

Характеристики классов 1 и 3 частично совпадают с описаниями, соответственно, традиционалистов и приверженцев ценностей самовыражения, предложенными Р. Инглхартом. Но отличие в том, что у представителей нашего первого класса сильная ориентация на Традицию сочетается с такой же сильной ориентацией на ценности Выживания, а у представителей третьего класса сильная приверженность Самовыражению сочетается с такой же сильной приверженностью Секулярно-Рациональным ценностям.

3. Все европейские страны оказались внутренне гетерогенными, в каждой из них имеются представители не менее чем двух ценностных классов, а в большинстве стран — представители всех трех классов. Благодаря этому обстоятельству у каждой европейской страны есть *не что общее с каждой из остальных*.

4. Полученная типология дала возможность описать ценностные различия между страна-

ми, выражающиеся в неодинаковых распределениях жителей разных стран между классами. В *скандинавских* и *западноевропейских* странах доли людей, для которых характерно преобладание самостоятельности над подчинением (класс 3), превосходят доли лиц с обратным соотношением указанных ценностей (класс 1). В то же время в постсоциалистических и средиземноморских странах, наоборот, больше людей, для которых подчинение важнее самостоятельности (доля класса 1 превосходит долю класса 3). Доли лиц, принадлежащих к классу 2 (для которых субъективно незначимы как внешние, так и внутренние регуляторы активности), различаются по группам стран меньше, чем доли классов 1 и 3. Тем не менее, их представленность в постсоциалистических, средиземноморских и западноевропейских странах выше, чем в скандинавских.

5. Возраст, пол, уровень образования, тип поселения, характеристики родительской семьи оказывают значимое влияние на вероятность вхождения человека в каждый из ценностных классов, но влияние страновой принадлежности респондента на его ценности сохраняется и при контроле этих переменных.

Показано, что доля людей, принадлежащих к классу 3 с ростом уровня экономического развития страны повышается, а доля принадлежащих к классу 1 — наоборот, снижается, что согласуется с выводами Р. Инглхарта и его коллег.

Доля людей, принадлежащих к классу 2, наиболее высока в европейских странах со средними уровнями экономического развития. Показано, что высокая доля в стране представителей класса 2 (состоящего из людей, уже отказавшихся признавать авторитет вышестоящих инстанций, но еще не обретших веру в силу инициативного автономного действия и горизонтальных связей), сопровождается симптомами социальной дезорганизации — повышенными показателями самоубийств, общей смертности от несчастных случаев, отравлений и травм, а также более высоким потреблением алкоголя. Все это позволяет интерпретировать класс 2 как «переходный» между традиционным типом ценностей (класс 1) и типом ценностей (класс 3), распространенным в наиболее продвинутых обществах «высокой современности».

SUMMARY

The Value Heterogeneity of the European Countries Population: Typology Based on R. Inglehart Indicators (by Vladimir Magun and Maksim Rudnev)

1. Respondents from 43 European countries have been classified by latent class analysis (LCA) on the basis of their responses to questions which Inglehart used to measure Secular-Rational/Traditional and Self-Expression/Survival values.

2. Three value classes have been identified. Members of class 1 (37% of European population) demonstrate high value of obedience and low value of self-directed social action. Members of class 3 (23% of population) have opposite values, i.e. a strong preference for independent action and low value of obeying the regulations from the «top». Europeans belonging to value class 2 (40% of population), combine low value of obeying to both earthly and heavenly powers with low value of self-directed activity. Such a combination results in depriving members of class 2 both of the external and internal sources of activity.

Our description of classes is different from R. Inglehart's descriptions of values, since in our classes Survival values are intermixed with Traditional ones and Secular-Rational values are intermixed with Self-Expression ones.

3. All European countries are internally heterogeneous, each of them has representatives of at least two value classes and most countries have representatives of all three value classes. Due to this fact, each European country has something in common with each other.

4. The typology describes value differences between countries in terms of within-country distributions of three value classes. The share of class 3 members (preference for self-directed autonomy) exceeds the share of class 1 members (preference for hierarchy of power) in the Nordic and Western European countries. The share of class 1 exceeds the share of class 3 in the Post-Communist and Mediterranean countries. The share of class 2 (both external control and self-control have low value) has low variance between countries, however this share

is bigger in the Post-Communist, Mediterranean and Western European countries than in Nordic ones.

5. Age, gender, education level, type of settlement, parental family have significant effects on the probability of membership in each of value classes. The effect of country belongingness on class membership stays the same after controlling for all these variables.

The share of people belonging to class 3 increases and share of people belonging to class 1 decreases with the increase of country level of economic development, and this fact is consistent with R. Inglehart and his colleagues' findings. The share of people belonging to class 2 is the highest in the European countries with average levels of economic development. It is demonstrated that country share of class 2 is linked with symptoms of social disorganization such as higher rates of alcohol consumption, suicide and total deaths by injuries. All these facts confirm the interpretation of class 2 as a «transitional» one between the traditional type of values (class 1) and the type of values, common in the most advanced societies of 'high modernity' (class 3).

Situation in the North Caucasus (by L.D. Gudkov, B.V. Dubin, N.A. Zorkaya, O.S. Konstantinova, V.A. Plotko, invited experts: A.A. Ganich, N.V. Zubarevich, A.V. Malashenko). The paper is a concise version of the research carried out in 2012 in five Republics of the North Caucasus: Dagestan, Ingushetia, Kabardino-Balkaria, Karachayevo-Cherkessia, and Chechnya. The authors analyze the respondents' overall evaluation of the situation, beliefs about the main social issues and existing threats, trust to social institutions, perception of economic problems, situation in education and healthcare, the influence and role of Islam, attitudes to civil rights and political preferences. The main reasons for respondents' tensions and anxieties are connected with economic sphere and are common to Russia on the whole: prices growth, increasing